

СОРОК с лишним лет назад из города Бежицы — теперь это район Брянска, отправилась экспедиция по реке Десне: пять весельных лодок. Ее флагманом был Константин Георгиевич Паустовский, уже тогда известный писатель. Плыл с ним и другой писатель — Рувим Исаевич Фраерман. Участники экспедиции были московские школьники — члены литературных студий Московского Дома пионеров и журнала «Пионер». Мне повезло попасть в их число.

Десять дней шли мы на веслах вниз по Десне от Бежицы до Трубчевска. И эти десять дней оказались огромными, важными для всей последующей жизни.

Книга, в которой я написал об этом плаваньи, — «Откуда начинается путешествие?» — вышла много лет назад. Тираж ее был невелик. Книжки ветшают. Число их уменьшается. И вдруг один экземпляр этой книги, рассказывающей о путешествии, которое произошло так давно, попал в руки другому участнику далекого похода — Борису Краснову. Я расстался с ним, когда мы вернулись из нашего плаванья. С тех пор ничего о нем не слышал. Считал его погибшим на войне.

Не берусь объяснить вероятность того, как книга спустя столько лет попала в руки человека, о котором в ней рассказывалось. Борис написал в издательство и попросил переслать мне его письмо. Спустя сорок с лишним лет мы нашли друг друга.

На конверте его письма стоял обратный адрес — Выгоничи Брянской области. В Выгоничи приехали мы на полutorке из Трубчевска, когда наше плавание закончилось. Борис вместе с нами сел там в поезд и вернулся в Москву. Как, почему спустя почти полвека он снова в Выгоничах? Чудеса, да и только!

ОН ПРИЕХАЛ в Москву и пришел ко мне. В огромном бородатом человеке с загорелым лицом и седыми в волосах было трудно узнать самого озорного участника нашей группы. Только глаза — веселые, лукавые — напоминали его таким, каким я его запомнил.

Борис рассказал мне про свою жизнь. Он долго воевал, был солдатом, офицером, партизаном, был много раз ранен и тяжело контужен, после войны работал строителем-верхолазом, рабочим, сварщиком, прорабом, инженером, фотокорреспондентом, в Сибири и на Алтае. Несколько лет назад решил вернуться в Центральную Россию. Из всех воспоминаний детства сильнее всего было воспоминание о Брянщине и о Десне. Его жена — врач — списалась с облздравотделом. Ей предложили несколько мест на выбор. Раз-

ложили Краснову карту и выбрали Выгоничи. И только когда приехал туда Борис, сквозь туман лет узнал станцию, откуда целую жизнь назад мы возвращались в Москву.

Я приехал к нему. Оказалось там, где был мальчишкой. Мы с моим другом заново узнавали друг друга. И радовались — разговор шел так, будто не прерывался. Рассказывали друг другу о своей работе. Борис — фотограф и журналист. Руководит местной студией фотолюбителей. Работает в газете.

Десять дней нашего общения оказались такими же заполненными, как десять дней сорок с лишним лет назад. Мы оба с благодарностью вспоминали Паустовского и Фраермана, писателей, подаривших нам обоим такие впечатления, что они не померкли за всю долгую жизнь, хотя каждый из нас многое повидал и многое перенес.

ОНИ, КАЗАЛОСЬ БЫ, ничему нас не учили. Не наставляли. Во всяком случае, словами. Вместе с нами гребли. Только лучше, чем мы. Вместе с нами ставили палатки. Только шнорельнее, чем мы. Вместе с нами разводили костер и готовили походную еду. Привычнее, чем мы. Они не учили. А мы учились: гребти, ставить палатки, готовить на костре, не теряться в трудную минуту. И многому другому. Неизменной спокойной приветливости и уважительности, с которой они обращались друг к другу. Неизменно ровны и приветливы были они и с нашей командой. Они взяли на себя большую ответственность. Поводов, чтобы поперечничать и даже сорваться из-за нас, было достаточно. Но я не помню, чтобы наши старшие товарищи сердились.

Впрочем, однажды рассердились. Мы обедали на берегу у костра. Каша была вкусной, а хлеб не очень зачерствел. Дежурные принесли из ближайшей большой деревни свежий хлеб. Один из нас потянулся за свежим хлебом и бросил на землю недоеденный кусок черствого.

Паустовский и Фраерман хмуро переглянулись. А потом Константин Георгиевич негромко сказал, что с детства помнит обычай: уронил нечаянно кусок хлеба — подними и поцелуй. А Рувим Исаевич сказал:

— И было поверье: если бросаешь недоеденный хлеб, значит, где-то твой близкий голодает...

А больше они нам ничего не сказали. Но то, что сказали, запомнилось и помнится до сих пор. Как многое другое, что узнали мы от них в этом недолгом путешествии.

Каждый из нас, взрослых, во всяком случае — многие, может одарить детей — и своих, и чужих — а какие

дети чужие? — так, как одарили нас когда-то Паустовский и Фраерман. Для этого не нужно быть писателем.

ПОД ОКНАМИ нашего дома спортивная площадка. Ребята гоняют на ней мяч или шайбу. Очень часто среди них появляется и подопугивает с ними взрослый человек. Он не снисходит к ребятам, не притворяется, что ему интересно с ними. Он действительно увлечен, носится среди ребят, самоотверженно падает на землю, ловя мяч, радуется

Сергей ЛЬВОВ

СИНИЕ ЗАЙЦЫ

Статья эта осталась неоконченной. Но в ней сказано то главное, ради чего Сергей Львов брался писать эту статью и вообще все свои статьи. Гражданственность, благородство, честность, отзывчивость — эти нравственные ценности нашего общества всегда были в центре творчества Сергея Львова, он всегда их защищал и отстаивал своим талантливым пером.

Сергей Львович не просто сотрудничал в «Литературной газете» и не только был своим человеком в стенах ее редакции. Долгие годы он работал в штате «ЛГ»: заведовал отделом,

хорошему удару. Он не командует игрой. Но когда он на площадке, игра обретает осмысленный характер. Мяч и шайбы уже не просто гоняют по невесте каким правилам, а разыгрывают элементы волейбола, футбола и хоккея. Принимают всех, кто хочет. Играть азартно и дружно. И еще одна особенность у площадки, когда здесь этот взрослый участник, — с нее доносится смех, веселые возгласы, но никогда не звучит брань, которая в другие дни тут слышна.

Пройдут годы и десятилетия. Когда-нибудь сегодняшние мальчишки вспомнят улицу, на которой росли, вспомнят спортплощадку. Вспомнят взрослого, который приходил играть с ними. Его веселое дружелюбие. Его не обидные подначки. Его неназойливые советы. Он подарил им много часов своего времени. И нечто, что весит больше. Внес в их среду привычки человека, умеющего жить в коллективе, по-настоящему компанейского.

Но разве он только их одарил, только их сделал богаче? Когда Паустовский и Фраерман отправлялись с нами в наше короткое путешествие, у них позади уже был огромный жизненный опыт. Но когда я встречался в послевоенные годы с ними обоими, они неизменно вспоминали десять дней на Десне как нечто важное. Это путешествие бесконечно много дало нам, но немало дало и им.

Я ИМЕЛ счастье не раз видеть среди детей Корнея Ивановича Чуковского. Он был тогда уже очень стар. Но едва у него на даче или около дачи в детской библиотеке, им созданной, появлялись дети, он немедленно вступал в общение с ними: читал им стихи, рассказывал сказки, показывал картинки других детей, затеивал игры и хороводы. Его обществом дети упивались,

НЕЗНАКОМЕЦ на спортивной площадке у нас под окном многое дает детям, с которыми вместе играет. Но немало получает и сам. В какой оздоровительной группе сверстников, среди каких бегунов от инфаркта провел бы он так весело, с таким азартом, с такой отдачей эти часы? Где бы он еще мог так раскованно и естественно вернуться в собственную юность?

Почти каждый вечер у меня в дверях звонит звонок. Появляется маленькая соседка. Она учится в четвертом классе школы с расширенным преподаванием немецкого языка. Приходит, чтобы я проверил, как она пригото-

вил специальный корреспондентом. В течение более чем тридцати лет читатели нескольких поколений знали его по ярким, социально значительным выступлениям на наших страницах.

Сергей Львович оставил много прекрасных книг. Он писал о журналистах, о великих художниках, о замечательных революционерах...

Умер он неожиданно, скоропостижно. Из жизни ушел серьезный писатель и обаятельный, оригинальный, крупный человек.

Но и он был счастлив с ними. Скушал, когда долго не видел детей.

В газетах и журналах встречаешь разные советы, как сберечь здоровье и продлить жизнь. Мне думается, что один из самых надежных рецептов открыли флагманы нашего плаванья по Десне, незнакомый мне человек со спортплощадки в нашем дворе, старый поэт и сказочник К. И. Чуковский. Одарите детей радостью. И вы одарите не только их, но и себя.

Что для этого нужно? Прежде всего — действительный интерес к детям. Сыграть его невозможно. Другом детей нельзя казаться. Им можно только быть. Оставаясь самим собой. Не пригибаясь к детям, не подлаживаясь к ним. И не боясь того, как на это посмотрят окружающие. Не сочтут ли вас чудачком? Пусть сочтут! Быть таким чудачком прекрасно!

В заброшенном подвале огромного дома вскоре после войны появился пожилой человек: очень худой, в выцветшем штопаном и перештопанном офицерском кителе, латаных кирзовых сапогах. Звали его Иван Константинович Пономарев. Он получил в этом доме комнату в коммунальной квартире. И те, кто побывал в его комнате, говорили, что она заставлена ящиками, из которых он постепенно достает книги, и что книг там видимо-невидимо. Был у него еще старенький патефон довоенного производства. Мебелью служили

топчан да две табуретки. В своей комнате он только ночевал. Все остальное время проводил в подвале. Вместе с дворовыми ребятами вытаскивал из подвала десятилетиями накопившийся там хлам. Все, чем можно было воспользоваться — старые садовые скамьи, колченогую витрину, шкаф без дверей, — ребята под его руководством отмывали от грязи, чинили, красили. Потом в подвале появился огромный стол, выброшенный кем-то из жильцов на помойку.

КОГДА я побывал там, первоначальный период был уже позади. Подвал стал читальней. Иван Константинович перетаскал с помощью ребят туда почти все свои книги (хотя ему говорили: это безумие — пролазить туда). Подвал стал музыкальной гостиной — там на тумбочке стоял старый патефон, и можно было слушать охрипшие, но все еще прекрасные пластинки с довоенными записями Лемешева, Козловского, Барсовой. Подвал стал игротеккой: во всех углах возились с игрушками малыши. Подвал был художественной студией — здесь рисовали и лепили... И душой всего этого дела был Иван Константинович.

Жизнь тогда еще не было. Управдомы менялись. Отношения они к странному подвалу по-разному. Ивана Константиновича то поддерживали (с тех пор, как он появился, ребята перестали хулиганить во дворе), то притесняли (ма-

ло ли чего они там могут натворить!). Однажды в подвале появился вездливый «общественник». Так он называл себя сам. Детские рисунки на стенах ему не понравились.

— Черт знает чему детей учишь! — сказал он Ивану Константиновичу. — Синих зайцев рисуют!

Начался спор. «Общественник» обратился за поддержкой к мальчику лет семи:

— Это кто?

— Заяц! — уверенно сказал мальчик.

— А почему синий?

— Вечером зайцы синие.

О «ОБЩЕСТВЕННИК» Назвал реванш. Ребята постарше рисовали с гипсового слепка, изображавшего Венеру Таврическую.

— Это кто же тебе позволил такую похабелю разводить? — угрожающе пропел «общественник».

— Убирайтесь вон! — сказал Иван Константинович со стальной нотой в голосе.

В доме, который последний раз ремонтировался до войны, протекала крыша, на лестницах было много выбитых окон. Управдома было забот выше головы. А тут еще разбираться в заявлении, что один из жильцов развращает детей и подростков синими зайцами и обнаженными женщинами. Дня через три, когда Иван Константинович пришел утром в подвал, на его дверях висел огромный амбарный замок. Тут вмешались родители, оценившие, как много дает их детям то, что происходит в подвале.

Историей заинтересовали местного журналиста. Он написал теплый очерк об Иване Константиновиче и, поскольку тот был высок и худ, сравнил его с Дон Кихотом. Сравнение понравилось. И когда я, спустя несколько лет, пришел знакомиться с клубом в подвале — он уже получил официальное название клуба, дворничиха, объясняя мне, как разыскать руководителя, называла его то Констанцы, то Кихотыч.

Иван Кихотыч, когда я с ним познакомился, был уже очень стар. Он с удовольствием показывал мне работы

юных художников и скульпторов, куклы и маски для кукольного театра, отремонтированный ребятами старый электропроигрыватель, который занял место рядом с довоенным заводным патефоном, самодельные игрушки, познакомил со своими добровольными помощниками. Чета молодых художников занималась с детьми рисованием, старая актриса вела кукольный кружок, столяр учил ребят мастерить. Наш разговор перебивали ребята, прибежавшие со двора, втаскивавшие какие-то находки, о чем-то спрашивавшие.

Я ВОСХИТИЛСЯ увиденным. А когда мы разговаривали, Иван Константинович, которого я чуть не назвал Иваном Кихотычем, коротко ответил на вопросы о себе. В молодости был школьным учителем. Увлекался идеями замечательного педагога Шацкого. Педагогическая работа Ивана Константиновича на несколько лет прервалась. Вернулся к ней незадолго до войны. Ушел добровольцем в народное ополчение. Семья погибла. Войну кончил в невысоком звании. Со многими ранениями и несколькими наградами. Годы и здоровье не позволили после войны вернуться в школу. Думал, погибнет от тоски и от одиночества, пока не нашел этот подвал, а в подвале — смысл и цель жизни на все оставшиеся годы. Произнес эти слова, Иван Кихотыч смутился. И спросил:

— Не пишите о нас. Нас уже давно не притесняют, ни замков на двери, ни ярлыков не навешивают...

И он рассказал, что чем больше занимается ребятами, тем больше сложностей видит. Некоторые, как появлялся первый раз в подвале — так и прилипнут, найдя себе здесь занятие по душе. Другие придут раз-другой, и только их и видели. А некоторые, кого он считал своими и друзьями, и помощниками, остаются.

— Все очень сложно!

— Жалеете, что затеяли это? — спросил я.

— Жалею? Да я только и жив, потому что у меня есть этот подвал и эти ребята.

С ТЕХ ПОР прошло много лет. Иван Константинович Пономарев умер. Среди нескольких сотен ребят, которые прошли через созданный им клуб, есть немало таких, для кого этот показавшийся бы сейчас бедным и тесным клуб был, может быть, самым дорогим воспоминанием детства, оставившим отпечаток на всю жизнь. Они помнят Кихотыча. Да и тому было что вспомнить о последних годах своей жизни. А что мог вспомнить его гонитель? Только то, как навешивал пудовый замок чужиную тупости на двери волшебного преобразившегося подвала...